

На Курсе

Роман

**«Когда больше не хочешь повторить то,
что вспоминаешь с удовольствием»**

*... как стихи Маяковского,
среди скучающих кошек!*

Часть 1

Алексей Гуртовой

2020 г.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Петрович Гуртовой

На Курсе. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57097063

SelfPub; 2020

Аннотация

Иронично-правдивое изложение реальных событий, происходивших в конце XX века с молодым провинциалом в Одессе. Уходя от призыва в армию, Алексей из небольшого городка Новомосковска, попадает в Одессу и поступает в Одесский Государственный университет. Тернии и препятствия, достижения и победы, дружба, чувства, землетрясение и самолетом на пиво... Не придуманный юмор на грани, реальные люди, драки и съемки первых порно роликов в Одессе. КВН 90-х, пляжные «бальзаковские» страсти и "Наша" футбольная сборная Камеруна" – все здесь! Весь «напалм» проживания в студенческом общежитии. Путь к знаниям на изломе Великой Страны и применение их в смутное время 90-х. Внутренняя философия, получившая воплощение в чистом виде. Яркие воспоминания, основанные на реальных событиях! Если каждый человек – это Вселенная, то "На Курсе" – это его проводник в студенческой солнечной системе. Содержит нецензурную брань.

Часть 1.

Глава 1.

«А если очень повезет,

Тебя дорога приведет

На Тихоокеанский флот».

Л.Ошанин.

Еще на выходе из лесопосадки, той, что отделяет жилые кварталы одноэтажных построек ШпалЗавода, от бесчисленного количества стальных путей Приднепровского железнодорожного узла, Алексей увидел маму во дворе их дома. Она держала в руке аккуратно сложенный лист бумаги, и как Алексею показалось, даже немного приветственно им размахивала. Все внутри сказало: «Это она, точно она – повестка». Да, та самая в «несокрушимую и легендарную»... Алексей не то, что бы боялся армии, он просто там себя не видел. Такие перемены, после четырех лет учебы в техникуме совсем не входили в его планы. Больше хотелось быть студентом и дальше. Причем в слово «дальше», он вкладывал вполне конкретное географическое понятие. Поцеловав маму в щечку, он взял из ее рук повестку, и не разворачивая сложил

в треугольничек, на манеру героев из художественных фильмов. Так, нагрудный карман Алексея, стал местом пребывания военкоматовской повестки на несколько месяцев, до его поступления в Одесский Государственный Университет.

Слово «косить», у молодежи призывного возраста, в конце 80-х годов не имело ничего общего с косой или серпом. Новомосковские подростки вполне конкретно задавались целью не идти в армию. «Закосить» от призыва считалось не только делом престижа, но и признаком твоего прогрессивного мировоззрения. Причины, видимо уже тогда вырабатывал сам социум, очень меняющийся позднесоветский социум...

В разговорах, среди молодежи того времени, можно было часто слышать фразу: «Кто? Ты не пойдешь, а у тебя «закосить» ума хватит?» Здесь подразумевалось все, и твое умение убедить врача в хроническом энурезе, и твоя способность рассмешить психиатра, и твои мужские задатки не только женится до армии, но и заиметь двоих детей. Эту фразу слышал и Алексей. Но методы, рассматриваемые сверстниками, ему не подходили изначально во всех своих проявлениях. Он знал, чего хочет, а хотел он идти дальше своим путем. Путем, который вел его из родного Новомосковска, через Днепропетровский Строительный техникум дальше, в Одессу. В город, где он намеревался продолжать обучение

в одном из ВУЗов, дающем отсрочку от призыва и возможность посещать военную кафедру.

Родители Алексея, видимо понимали, что он настроен по иному, чем все его окружение и не препятствовали его действиям. Хотя отец, определенное время был не в восторге. Мама, Валентина Петровна, врач терапевт на Шпалопропиточном Заводе. Небольшое помещение, в парковой зоне завода она делила с Софьей Васильевной, врачом-стоматологом. Их медицины для небольшого, но единственного завода в Европе было достаточно. ШпалЗавод, гордо хранил, и до сих пор воплощал в жизнь, традиции с начала путейного дела на Екатеринославщине. Дважды переезжавший с места на место, и переживший две мировых войны, он смолил древесину не останавливаясь, даже тогда когда уже весь мир перешел на бетонные подрельсовые шпалы. История завода еще помнила заказы на обработку корабельных мачт! Кубинский ром, сигары и местные жители Острова Свободы, далеко за океаном, перемещались по рельсам, уложенным на пропитанные смолой новомосковские шпалы. Последние несколько десятков лет, единственное специализированное предприятие открыто поддерживало кубинскую молодую республику. Рынок сбыта, был только там...

Папа Алексея, Петр Петрович, телемастер на Днепропетровском радиозаводе. Заря и закат советских черно-белых

телевизоров «Весна», прошли вместе с ним и его коллективом по всему Союзу. Когда Алексей познал Одессу, оба эти родительские предприятия постепенно угасали и максимально оптимизировались дельцами под кооперативы и видеосалоны.

При некоторой разности отношений к действиям Алексея, его родителей, дед Петр Андреевич выразил ему открытую поддержку. Прошедший всю войну, командир медсанбата и в свои восемьдесят лет был крепок физически и точен в суждениях. Его рассказы о войне, остались в памяти Алексея отдельной ячейкой. К которой он относился как святыне, всю свою жизнь. Петр Андреевич высказал свое мнение лаконично и прямо. Выслушав Алексея планы, он сказал: «Давай Алексей – действуй! У тебя мысля клеется. Докажи, что ты не какой ни будь там – «Алешка», при этом характерно помахав открытой ладонью у правого уха». Своим умением говорить публично, молодой человек так же был обязан старому ветерану. Все домашние застолья проходили по подобию парткома, где Петр Андреевич заставлял всех выступать, особенно молодежь.

Внутренние аргументы молодого человека базировались на трудах Ивана Ефремова и Оскара Уайльда, на героике Рафаеля Сабатини и одесских рассказах Исаака Бабеля. Пытливость и наблюдательность, как предтеча особого интуи-

тивного чувства, непременно возникающего перед чем-то действительно важным, говорило ему – только вперед. Это и формировало в нем движущую энергию созидания.

Внешние же аргументы, не примерять военную форму, имели более чем заземленные причины. Дело в том, что все уходящие в армию из их поселка юноши, проходили обязательную процедуру проводов. Выглядело это, очень даже заботливо-печально. Суета – еда, шатер – самогон, невеста. Потом, на следующее утро, привод или чаще всего принос новобранца к военкомату...

Но, самое неприемлемое во всем этом действе для Алексея было обязательное наличие провожающей невесты. Встречается с кем-то будущий воин или нет, не имело никакого значения, провожающая невеста должна была быть. Так и появлялась на проводах в армию девушка рядом, с выражением обязательности на лице. Алексей не мог себе даже представить, кто с ним рядом мог бы находиться в подобной ситуации. Подружки, конечно же, были. Он стройный, среднего роста, с всегда аккуратно зачесанными назад русыми волосами вызывал у девушек интерес, но не до уровня, к которому стремятся подростки в своем желании оплодотворять всех на свете. Серо-голубые глаза, ровный, немного великоватый нос делали его быстрее интеллигентно-надежным, чем привлекательно-роковым. Сфера интереса к

нему со стороны женского пола начинала явно проявляться не сразу, а после общения и некоторого количества времени проведенного рядом. Разить с первого взгляда, не было «оружием» из его арсенала. Одногодки-подружки считали Алексея немного заумным, и обычно предпочитали его ровесников с более широкими плечами, простыми речами или, в крайнем случае, с мопедом. Другое дело, девушки постарше, уже прошедшие периоды с плечами и мопедами. Для них первая реакция на внешность Алексея, как на юношу-студента, уже после недолгого общения, сменялась интересом к нему как к молодому мужчине, с хорошим воспитанием и деликатными манерами. Отношения или не начинались вообще или затягивались на относительно длительное время. Причины, как в первом, так и втором случае носили разный характер от недостатка средств, до неготовности связывать себя узами раннего брака. С одной старшекурсницей, он даже знакомил своих родителей, еще в 17 лет, но после ее тайного общения, с его старшим товарищем Александром, эта дама решила идти замуж. Была свадьба, но прожили они и недолго и несчастливо.

В общем проще было, дабы не рушить устои всего поселка, не устраивать проводы совсем. Тем более, что назначенные невесты, чаще всего уже через полгода провожали следующего суженного в войска, или просто выходили благополучно замуж за совсем иных парней.

Особняком же стояла тема на районе, это – приход из армии. Возгласы в ночи, типа: «Матросня пришла!» или «Я ж тебе казала, шо вона сука», – становились нормой. Бодрые песни и громкий смех, обычно заканчивались не менее бодрыми и громкими скандалами. Дальше у всех участников налаженного процесса, были очень похожие судьбы. Шпало-пропиточный завод, работа на «железке», стройка для парней или швейная фабрика для девушек. Потом семья, дети, самогон и провода дальше. Варианты, которые предлагал Новомосковск не могли устраивать Алексея. Своим внутренним миром он понимал, что остановка сейчас, это практически добровольное самоуничтожение. Все вокруг говорило о переменах. О переменах во всем, от телевизионных программ, до отношений между людьми. В этой обстановке нужно было соответствовать новому потоку, совершенно новому информационно-социальному потоку. Призывы Виктора Цоя к переменам и «мое поколение» Кости Кинчева, звучащие из динамиков старого бабинника, обретали совершенно новый практический смысл. В свои, неполных девятнадцать лет, Алексей был настроен действовать в соответствии с реалиями того времени. Могучий Союз, все больше и больше кренился к бездне, съедаемый тлей капиталистического будущего. Дома, улицы, города и республики великой страны отдалялись друг от друга с неумолимой монотонностью часового механизма.

Он решил, что Мамой его будущего должна стать – Одесса, и преисполненный новым родственным чувством устремился к ней, так как может стремиться только верный зову крови – сын.

Глава 2.

«Тебе со мной

И мне с тобой

Здесь, в порту, интересно бы встретится»

Л. Утесов.

Алексей с выбором направления определился еще на 3 курсе строительного техникума. Когда, в компании со своими сокурсниками – Юрой и Костей, летал в Одессу на пиво. Да, именно первоочередная цель была посетить легендарный «Гамбринус». Доступность и скорость Советских авиалиний стали решающими в выборе транспортного приоритета и уже через пару часов, из Ту-134 совершившего посадку в Одесском аэропорту, компания ступила на землю давшую миру рыбачку Соню и маршала Малиновского. С тридцатью советскими рублями на троих, парни довольно комфортно провели пару дней в Одессе. Цели были достигнуты все, ну или по-

чти все. Гостиница «Спартак», напротив пивбара «Гамбри-
нус», ресторан «Украина», Одесский морвокзал, прогулка на
катере по заливу и конечно же подсчет ступенек на Потем-
кинской лестнице.

Перспективы Одесских горизонтов, осязаемые прямо из
Аркадиевского пляжа, не оставили ни единого шанса ново-
московскому сценарию в дальнейшей судьбе Алексея.

Море, красота южного города, «Гамбринус» и координаты
приемной комиссии Водного института стали основани-
ем для построения планов на будущее.

Обязательную отработку на объектах строительной отрас-
ли, по окончании учебного заведения отменили как раз в
этом году. Можно было подавать документы сразу в любой
ВУЗ. Выбор Алексея пал на – Одесский институт инженеров
морского флота, проще «Одесский Водный», как все его на-
зывали. Гидротехнический факультет, который еще обозна-
чали, как факультет морского строительства. Все сходилось:
строительный техникум – водный – море – Одесса. Юра и
Костя, те самые парни, с которыми он закончил один тех-
никум то же выражали такое желание, но все ограничилось
только разговорами. Алексей не стал долго раздумывать. Со-
брал необходимые документы, получил согласие родителей,
и со станции Днепропетровск-Южный двинулся в путь. С

вокзала в Одессе, прямо на улицу Мечникова, 34. Несколько сигарет в скверике перед учебным корпусом, заход в приемную комиссию и ... «Вперед, баки твоего самолета залиты топливом только в одну сторону, парашюта и запасного аэродрома у тебя нет, есть шансы выжить, только добравшись до цели, – гордо чеканила память, опираясь на недавно прочитанный рассказ о военных японских летчиках». Психологические настроения доктора Сытина, которые Алексей практиковал уже полгода, включались автоматически, без предупреждения.

– У нас здесь учились Карцев и Жванецкий, – с гордостью говорила пожилая женщина из приемной комиссии, просматривая документы Алексея. Эта фраза была видимо обязательной для «всяк входящего», при поступлении.

– Мне на гидротехнический факультет, – говорил Алексей.

– На мехпортах они учились, – уже себе повторяла женщина, – на мехпортах, – а отработка где?

– С этого года отменили, – ответил Алексей, – есть постановление, к лету видимо всем разошлют, я ж к Вам чуть раньше подаю документы, на подготовительное отделение.

– Хорошо, проверим, а сейчас в 20-й, кабинет подойдите, возьмите справку на временное проживание в общежитии.

В интерьере учебного корпуса была специальная доска, на которой изображалась славная история «Одесского Водного». Там Алексей и увидел подтверждение слов дамы из приемной комиссии. Легенды Одессы – Роман Карцев и Михаил Жванецкий действительно в свое время закончили этот ВУЗ, по специальности «Механизация портов».

Алексей был зачислен на подготовительное отделение при Водном институте и получил право на проживание в общежитии по ул. Фрунзе. Здесь его подселили в комнату к второкурсникам Юре из Кривого Рога и Коле из Винницы, ребята делили один блок с темнокожим студентом из Камеруна Сириллом, который жил один. Юра его называл – «Наш». Он такое обращение к Сириллу объяснялось историей связанной с прохождением Чемпионата мира по футболу в Италии, 1990г. Советская сборная, после драматических проигрышей и судейских ошибок выбыла из соревнований, и все советские болельщики переключились на команду из Камеруна, и на то были веские основания, африканцев тренировал футбольный специалист из России – Валерий Непомнящий. Камерунцы показывали потрясающие результаты, обыграли Аргентину и Колумбию, прошли до 1¼ финала и были остановлены только «тремя львами» Английской сборной. Бла-

годарный советский болельщик сразу принял гордых камерунцев как своих и назвал их просто – «Наши!». Сирилл у Юры, как у заядлого болельщика, видимо вызывал подобные чувства. Сам «Наш» камерунец, ничего не имел против. Футбол он любил, но предпочитал вечерами со своими, такими же, как он черными и в дредах парнями, бросать баскетбольный мяч. В то лето, имена футболистов из сборной Камеруна, таких как «Старый колдун»– Роже Милла, Ндхонно и Маканаки, упоминали так же часто, как и имена Диего Марадонны и Александра Заварова.

Сирилл был на пару лет старше, от своих коллег по блоку. Чуть обособленно держался, как и все иностранцы и больше времени проводил со своими земляками.

В строительном техникуме, который закончил Алексей, не было иностранцев, только студенты с союзных республик, а уж тем более о темнокожих африканцах не было и речи. Разнакомившись ближе с Сириллом, он увидел, что все эти вязаные шапочки летом, пестрые кроссовки, длинные футболки на выпуск, встречающиеся в клипах у МС Хаммера и Бобби Брауна не выдумка поп индустрии, а обычный быт черных парней. «Наш» Сирилл был типичный представитель своей субкультуры.

Огромному Юре, с черной шевелюрой и громовым голо-

сом, винницкий Коля был полной противоположностью. Худой и высокий, он тихо и мало говорил. Юра мог с бокалом пива часами рассуждать о футболе и французских романах Оноре, так он называл Бальзака, в то время как Коля просто молча его слушал и курил. Только иногда, выдыхая дым, проговаривал: «Ну! Ты, Юра...». На самом деле у Юры было что-то бальзаковское, от широты мысли до размера бокала, который он часто просто забывал брать, предпочитая просто винную бутылку в руках. Не говоря уже о внешнем, почти портретном сходстве. Алексей в их компанию влился очень быстро и во всех смыслах. Пиво из бочки, той, что стояла в Дюковском, сменялось портвейном «777», а кассета с записью Бориса Гребенщиковым следовала за кассетой с «Айрон Мейден», и май 1990 года переходил в июнь.

Но, 30 мая привычный график студенческой жизни был нарушен на несколько дней. Одессу среди бела дня посетил самое настоящее землетрясение. Алексей стоял у окна своей комнаты на восьмом этаже, равномерно раскачиваясь со ступней на пятки. Потом уперся в подоконник руками и понял, что раскачивание он не прекратил, если точнее, что что-то его качает и дальше. Ощущение, которое его посетило в тот момент, с чем-то сравнить было не возможно, по причине отсутствия подобного. Пол под ногами в комнате общежития зашатался как в вагоне поезда, который переходит с одного пути на другой. Алексей инстинктивно присел, толч-

ки повторились. Взгляд в сторону дверного проема и стремительный прыжок в его сторону. Он замер в проеме. Память сразу отчеканила уроки по сейсмокаротажу из техникумовского курса: если вы оказались при землетрясении в высотном здании, помните, что самое опасное место это лестничные марши и межэтажные площадки, постарайтесь занять ближайший дверной проем. В коридоре уже слышался топот и женские крики. Молодежь во все ноги покидала здание общежития. Алексей со своего проема пытался как-то образумить бегущих, но тщетно. Страх и паника делали свое. Только одна особь женского пола остановилась ненадолго рядом, да и та потом устремилась к земле с удвоенной энергией. Толчки закончились. Алексей спокойно пошел в комнату, собрал свои документы, закрыл блок и по пустым лестницам спустился в низ. Соседей по блоку и комнате не было в здании. Уличный шум и гам выбежавших студентов успокаивал комендант. Люди стояли прямо на проезжей части. Автомобили по Фрунзе остановили движение. Он посмотрел на противоположную сторону улицы. Там напротив добротной кирпичной четырнадцатизэтажки общежития, в ряд стояли панельные девятиэтажки жилых домов, так же спокойно и ровно, как и до землетрясения. «Это радует, – подумал Алексей, – по всем законам строительства, при катаклизмах такого типа они складываются в первую очередь». Народ бурлил и строил все новые версии происходящего. Пришла информация от руководства, что повторные толчки могут быть

этой ночью.

Рассматривая пеструю толпу студентов на улице, особенно были интересны девушки без подготовки к землетрясению, он опять вспомнил то особое интуитивное чувство, которое посетило его у окна на восьмом этаже. Все действия, предпринятые им в тот момент, имели четкую направленность из глубины его существа. Он не думал, он знал. В сторону от его действий стали страх и паника, желание поддаться общему психозу и рефлексия от ситуации вообще. Вот и сейчас на улице он был спокоен, только внешние факторы оказывали определенное воздействие на его психику.

Прибыли к общежитию Юра и Коля, пошли расспросы. Ситуация с ночевкой оставалась не ясной. Предлагались варианты: идти прямо сейчас в Дюковский парк, через пивную бочку конечно, отправить десант за матрасами в общежитие и ночевать прямо здесь, у дороги, и просто забыть об этом и возвращаться по комнатам. К вечеру многие уже поднялись на этажи, кто-то отправился по знакомым, в менее высотные здания, остальные же расположились небольшими компаниями вокруг корпуса общежития. Стемнело, пошли костры и гитары. Зазвучали голоса вдоль по Фрунзе, исполняя «Скованные одной цепью» и классический «Поворот» Макаревича. Алексей с Колей поднялись по Матросскому спуску, в магазин на Манежной улице, где продавался крепкий напиток

«Свитязь». Как говорил Юра, когда принес его первый раз, в день поселения Алексея: «Страшная вещь, аки 38 – ми градусов и с сахаром». Уже на лестнице ребята встретили Тараса, студента третьего курса, тот скучал и с радостью принял приглашение, присоединится. Повторные толчки обещали к полуночи, и у компании было еще несколько часов до принятия решения, где ночевать. «Наш» камерунец Сирилл, в блоке так и не появился.

Разговор пошел сразу в направлении воспоминаний. Наверное, такое бывает с людьми перед очередным землетрясением. Коля рассказывал о Виннице, о том, что у них леса больше чем воды и вообще его выбор – это выбор его родителей в сторону тетки в Одессе. Жившие с Колей студенты тоже, это все чувствовали, особенно когда эта радушная женщина снабжала их закрутками и выпечкой. Колю все максимально бодрили и поддерживали выбор его родителей. Юра принимал решение сам, сказал, что романтика Одессы, моря и юга с детства была с ним и все такое. И вообще, в Кривом Рогу, откуда он родом, дышать уже нечем, потому он худел и терял потенциал. Здесь же в Одессе, есть все для жизни такого человека как он. Все верили, так как видели перед собой доброго великана с бальзаковскими нотками в общении и питии. О его отношениях с Людмилой, студенткой параллельного курса, так же уроженкой Кривого Рога, упоминать было позволено, только с согласия Юрия. Их роман на пер-

вом курсе, гремел по общежитию и за его пределами. На втором настала полоса, о которой сам Юрий говорил кратко: «Я бдю!». «Оноре», как его за глаза называли студенты, нервничал в двух случаях: когда после вечера в компании «Святязя» и таких же потенциальных парней как он, ему предстоял разговор с Людмилой, и когда фразу – «жительница Кривого Рога», пытались уместить в одно слово. Тарас, круглолицый рыжий парень с доброй улыбкой и детскими глазами, вспоминал как ему давал на консультациях обещания сам зав.кафедрой, что по окончании, нет даже раньше, он поедет строить порт в Бомбее, а потом уволился и пропал. И Тарас уже и сам к третьему курсу точно не помнил, где он должен был строить порт, в Бомбее или все-таки в Мадрасе. Сильно переживать не стал, просто учился и все, приговаривая: «Та у них там тоже все поминалось, даже по иному тепер вси называются». Коренастый полтавчанин душевно рассказывал, открыто улыбался и много пил. Алексею было, что поведать своим товарищам, да и рассказчик он был знатный, особенно в коллективе под единое настроение. Учеба в Днепропетровске для него началась с пятнадцати лет, сразу после окончания восьмилетней школы. Они вчетвером, все одноклассники, поехали поступать в ДСТ (Днепропетровский Строительный техникум). Поступили, но закончили только двое, он и Андрей, его друг с соседнего района, в Новомосковске. Общежитие при техникуме и квартира товарища Бобы, Жени Бабая, одnogруппника, родители которого ра-

ботали на севере, были вторым, параллельным образованием взрослеющего молодого человека. «Там отдельный сказ и отдельных строк писание, – любил он повторять широко раскрытым глазам девушек, при новых знакомствах». Разница в курсах совсем не ощущалась, по социально-бытовым параметрам Алексей был даже опытнее своих товарищей из «Водного». Он говорил правду о Новомосковске, с юмором, мол, у местных есть свое название для городишки – «Дурпоселок». Говорил правду о мотивах при выборе Одессы, как города-полигона для своих дальнейших действий. Рассказывал в красках, с эффектом присутствия, о вечеринках «у Бобы» и первых свиданиях под грохот АС\ДС, с двумя сестрами одновременно. О полете на пиво в «Гамбринус» и дальнейшей одесской эпопее. Все смеялись и слушали. Только Коля периодически после глотка «Свитязя», повторял свое неизменное: «Ну! Ты Леха...».

Но что-то большее чувствовалось в умении Алексея общаться, в его умении преподать информацию, внимательно слушать и вовремя поддержать разговор. Он мог перейти от откровенных хохм к серьезной теме, интересно и вовремя, ребята чувствовали в нем остав человека, который может быть один и принимать взвешенные решения. Это притягивало, и его делало своим в коллективе. С Алексеем было интересно и легко.

Ближе к полуночи, Юра начал прятать под кровать пустые бутылки, называя их при этом «слабохарактерными», Коля отковырял очередную консерву, компания дружно закурила, нужно было принимать решение по землетрясению. Идти или не идти на улицу, спать или не спать, здесь или там... Выбрали не идти на улицу и не спать – здесь! Под общежитием светящиеся кучки продолжали свою ночную жизнь. Все как-то успокоилось. Говорят, толчки все-таки были, очень слабые, но наша компания при всем желании их бы все равно не почувствовала. Все спали крепким хмельным сном, предусмотрительно не сняв одежду и обувь.

На следующий день, ближе к обеду, Алексей, Юра и Коля спустились вниз на первый этаж, в столовую общежития. Был четверг – рыбный день. В студенческой столовой, следуя заветам Анастаса Микояна, еще с 1932 г., свято соблюдали это правило. Правда к девяностым годам, из общепита уже пропали лосось и ставридка, и вместо них кашу и пюрешку сопровождали консервированный минтай или бычки в томате. Иногда было вообще все просто – гарнир политый «соком консервы», как шутили студенты. Рыбный суп, сосиска в тесте, компот все это – было самое то. Тема землетрясения доминировала во всех разговорах. По настроениям обедающих, ребята поняли, что к счастью в Одессе все обошлось без разрушений и жертв.

Мудрые говорят, что жизнь может водить рядом двух людей десятками лет, и только в тот момент, когда семейный пазл сойдется на небесах, сведет их две родственные души, в нужный час и в нужном месте. В то же самое время, когда Алексей посещал подготовительные курсы, завтракал и ужинал в студенческой столовой, «громил» в беседах с товарищами авторитеты Кастанеды и Виктора Суворова, на работу, в ту же студенческую столовую Одесского водного приходила молодая, невысокая шатенка, с красивой улыбкой и высокой грудью. Девушка работала в цеху готовой продукции и делала, так любимую всеми студентами – сосиску в тесте. Именно в тот четверг, после неравной схватки с природой и «Свитязем», Алексей и ел приготовленную нею сосиску. Звали помощницу повара – Елена. Ни разу, за почти три месяца его проживания в общежитии они так и не пересеклись. И только через пять лет, им суждено было увидиться, что бы больше не расставаться никогда. «Небесный пазл» сложился сразу при встрече, с первого взгляда и на всегда. А пока, в орбите его жизни постоянными спутниками были не всегда трезвые тела Коли и Юры, и еще ряд личностей беспокойного студенческого братства.

Одесса, трамвай «пятерочка», Аркадия и море. Это самый известный и популярный маршрут у приезжих, студентов и просто желающих попасть к морю. Июнь уже накалял город, тополя своим пухом покрыли улицы, одежда одесских

граждан и гражданок становилась легче и прозрачней. По выражению Алексея, охота было: «встречаться, встречаться и еще раз встречаться». Пивные посиделки с трехлитровыми банками в Дюковском парке уступали место пляжному сезону на ближайшие три месяца точно.

Глава 3.

«На морском песочке Я Марусю встретил,

В розовых чулочках, талия в корсете».

к\ф Свадьба в Малиновке.

Штахетины от деревянного топчана, которые были общедоступны в то время на пляже в Аркадии, давили на все кости, как спереди, так и сзади. Переворачиваясь, приходилось еще и отжиматься на руках, с целью как можно мягче встать с положения – на животе, и переместится в положение – на спине. У Алексея, уже в то время начали возникать первые мысленные вязи, помогавшие ему характеризовать те, или иные события в его жизни. Блокнотик с карандашом, помещавшийся во внутренний карман, был с ним практически все время. Ситуацию с топчаном он отметил как: «Деревянная стабильность или топчаны «forever». Подготовительные курсы в «Водном» были три раза в неделю, во второй половине дня. Время на посещения пляжа было. Так как у

его товарищей был другой график, он сам с удовольствием посещал море в Аркадии. В тот день, после пешей прогулки по городу, сняв с себя белую рубашку и строгие брюки, он с удовольствием опустился на гостеприимный топчан. Пачка плоских картофельных чипсов, как вариант обеда, была хорошим подспорьем уже не первый раз. Хрустя соленоватыми пластинками, он рассматривал окружающих его пляжников. Людей было еще не много, будний день и только самое начало лета, вносили свои коррективы в наполнение топчаных рядов. Переводя взгляд, с сине-пенной глади моря к желтой отмели песка, он увидел символическое изображение подмигивающего лица, на коричневой летней кепочке. Кепочка покрывала копну светлых волос. Дальше, за кепочкой с волосами, просматривались два «холмика» покрытые купальными плавками красного цвета, лодыжки и чуть ниже вместе сложенные пяточки. Позиция дамы была – к топчану передом. Для полной оценки ситуации, пришлось даже приподняться на локтях. Кепочка, светлый волос короткой прически, тугая красная полоска бюстгальтера, крепко перетягивающая еще практически не загоревшую спину и далее те же два «холмика», под красными плавками. Вид загорающей женщины буквально в пяти метрах от него, определенно притягивал взгляд. Ожидание оказалось не долгим. Девушка, так же медленно приподнялась над топчаном, покрытым полотенцем и взгляду Алексея предстало то, что заставило его утвердительно подумать про себя: «Ей там точно не да-

вит!». То место, где ей не должно было давить, так же покрытое красной материей сделало оборот в 180 градусов и красиво расположилось в виде двух «холмиков» только уже ближе к кепочке. Всего остального Алексей не рассмотрел. Кратчайший путь к морю проходил точно через расположение кепочки и «холмиков». Пора было идти купаться. По дороге к стихии он боковым зрением все рассмотрел. Определенная свежесть июньского моря не стала помехой для продолжительного заплыва.

После знакомства с Черным морем, речной отдых, как на родной Самаре, так и на широком Днепре, казались просто детством в песочнице. Море, всегда такое разное, притягивающее действовало на Алексея. Весенний шторм и ветер, радовали мощными порывами, летняя ласка теплой воды и солнца, уводили в состояние эйфории и полного расслабления. Время, проведенное при морских рассветах и закатах, и вовсе воспринималось как совершенно отдельное измерение.

Выйдя из воды, он наблюдал картину уходящей девушки в легкой пляжной накидке пестрого цвета, с сумкой в одной руке и коричневой кепочкой в компании с босоножками, в другой. Теплый ветер растрепал светлые волосы, шаги ее были легкими и немного уставшими. Далее трамвай «пятерочка», Староконный рынок, спуск на улицу Фрунзе, компания

Коли Юры и Сирилла.

Иностранным студентам, от представительств их стран в Одессе, периодически приходили посылки с вещами и продуктами. «Наш» Сирилл не был исключением. Пакеты с сухофруктами, соусы, банки, сигареты. Все это было очень другое. Когда на блоке появлялись разноцветные коробки, его соседи знали, что у камерунца сегодня прибыло. Про него так и говорили: «Сирилл живет из коробки». Дело в том, что советским студентам не было чуждым готовить себе еду. Жареная картошка, супы на электрической печке и даже разогретая тушенка, все это требовало кухонной суеты. В то время как иностранцы просто что-то заливали кипятком, открывали мудреные банки и запивали все это разведенным в холодной воде порошком. Решение перевести Сирилла на «здоровый образ жизни», пришло после идеи, выйти с содержимым его посылок в субботу на «блошиный рынок». Вокруг Староконного базара в то время стихийно формировались торговые площадки прямо на асфальте. Владелец подстилки и заграничных брендов становился автоматически торговцем. Расстояние от общежития до рынка занимало не более пятнадцати минут спокойной ходьбы.

Алексей так же, как и его сотоварищи испытывал постоянные денежные затруднения. Скучных денежных переводов из дома раз в неделю, которые он получал на почте, хватало

только на пропитание в дешевой студенческой столовой, на трамвайные билеты и различные мелкие ходовые расходы по учебе. Но он умел расставить приоритеты в расходах, прекрасно понимая, что его родители делают все, что в их силах и не требовал большего. Учась еще в Днепропетровске, они с товарищами по общежитию периодически подрабатывали на местном Пивзаводе. Обычно, это была ночная разгрузка деревянных паллет из вагона. Платили за количество выгруженных, и правильно сложенных изделий на складской площадке. Но, была одна проблема. Палетта габаритная и прилично весила. Вдвоем ее перемещать было просто, а вот одному намного сложнее. Когда приходили втроем, больше зарабатывали, но и дольше разгружали. А когда вчетвером, то время проходило быстрее, но и доходы падали. Но в любом случае, денежное подспорье было и не только. После смены, труженики могли с собой унести пива столько сколько смогут. Огромный кран прямо на улице, из которого наполнялись пивные бочки и цистерны, открывался специальным ключем, доступ к которому, ребята получали под утро. Мастер после подсчета сложенных палетт, торжественно приглашал их к крану. Один виток ключа, и за несколько секунд можно было наполнить целое ведро. Зимой, под краном образовывалась жуткая пивная гололедица, проблемы с которой решались рядом стоящим ломом. Вопрос был в таре. Эпоха пластика еще не наступила, а стеклянные трехлитровки оставались дефицитом. С ведрами пива утром, по

двум троллейбусным маршрутам, когда сознательные граждане только едут на свои рабочие места, тоже как то выглядело не очень. Выход был найден. Как пример, вход пошла обычная медицинская грелка. После шуток, пришли к выводу, что небольшой объем той же грелки, при сохранении ее эластичных свойств можно компенсировать, создав «бурдюк» из целлофановых пакетов, сложенных друг в друга. За идею, воплощение и доставку без потерь первого «бурдюка» с пивом в общежитие, студент Половенко получил почетный титул – «Целлофаниус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.